УДК 94(470)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/54/4

СОХРАНЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСРЕДСТВОМ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРЕСАХ ЕЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: УТОПИЯ ИЛИ УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

С.В. Бирюков

Восточно-Китайский педагогический университет
КНР, 200062, г. Шанхай, ул. Чжуншань Бэй, 3663
E-mail: birs.07@mail.ru

Авторское резюме

Австрийская (с 1867 г. – Австро-Венгерская) империя – страна, представлявшая собой уникальное соединение различных народов под эгидой монархии Габсбургов. При этом существовавшая модель национально-государственного устройства не позволяла отразить запросы, формировавшиеся в рамках ее этнополитической системы, прежде всего – запрос на адекватное политическое представительство славянских народов империи. При этом стремление соблюсти наднациональный принцип со стороны монархии, а также консерватизм венской бюрократии вкупе с общей инерционностью политико-административного механизма Австрии затрудняли реформирование государственного устройства империи. В то же время, по заключению автора, определенные возможности для подобной реформы – с учетом этнического фактора – сложились после событий «Весны народов» 1848 г. и после поражения Австрии в войне 1866 г. с Пруссией, когда Вена была фактически исключена из процесса общегерманского объединения и получила возможность заняться решением внутренних проблем. Однако совокупность субъективных и объективных факторов, а также позиция основных политических акторов, вовлеченных в процесс преобразования устройства империи, благоприятствовали компромиссу Вены с представителями Венгрии. Внедренная таким образом дуалистическая модель на время стабилизировала и сохранила страну, однако непринятие требований лидеров славянских движений (прежде всего чешского) о более глубокой национально-территориальной реформе ограничило свободу маневра для имперских властей и способствовало углублению кризиса, приведшего в итоге к распаду империи в 1918 г.

Ключевые слова: Австрийская империя, Австро-Венгрия, славянство, империя, этнополитическая система, национально-государственное устройство, федерализация, модернизация.

THE PRESERVATION OF THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE BY MEANS OF FEDERALISATION IN THE INTERESTS OF THE SLAVIC PEOPLES: MYTH OR MISSED OPPORTUNITY?

S.V. Biryukov
East China Normal University
3663 Zhongshan Road (N), Shanghai, 200062, China
E-mail: birs.07@mail.ru

Abstract

Austrian (Austro-Hungarian since 1867) Empire was a country with a unique combination of different peoples under the auspices of the Habsburg monarchy. However, the existing model of the national-state structure did not reflect the requests of its ethno-political system, mainly that for adequate political representation of the Slavic peoples. The desire of the monarchy to observe the supranational principle as well as the conservatism of the Vienna bureaucracy and the general inertia of Austrian political and administrative mechanism made it difficult to reform the state structure of the Empire. The author concludes that certain opportunities for this reform that would take into account the ethnic factor developed after the "Spring of Nations" in 1848 and Austria's defeat in the war with Prussia in 1866, when Vienna was excluded from the process of German unification and could address internal problems. However, the combination of subjective and objective factors together with the position of the main political actors in the process of transforming the structure of the Empire promoted Vienna's compromise with Hungary. This dualistic model strengthened and preserved the country for a while, but the rejected demands of Slavic (mostly Czech) leaders for a deeper national-territorial reform limited the maneuver for the Imperial authorities and exacerbated the crisis that eventually led to the collapse of the Austrian Empire in 1918.

Keywords: Austrian Empire, Austria-Hungary, Slavs, Empire, ethnopolitical system, national-state structure, federalisation, modernisation.

Осмысление наследия Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) империи снова востребовано политической и исторической науками. «Изучение империй снова в моде» (Boas 1960: 76), – констатируя этот факт, М. фон Хаген называет в качестве одной из его причин то обстоятельство, что «вспыхнувшие не только в Европе, но и в Евразии в целом этнические и национальные конфликты пробудили ностальгию, по крайней мере, по некоторым многонациональным династическим империям, которые умели лучше регулировать долгосрочные межэтнические отношения и проводить национальную политику с менее апокалиптическими последствиями, чем современные национальные государства, созданные на обломках великих империй, развалившихся во время и после Первой мировой войны» (Гатагова 1996: 332–333). Немецкий исследователь Р. Мюнклер в своей недавно опубликованной в России книге ставит вопросы «пределов империи», рассматривает соотношение моделей «имперского порядка» и хаотического состояния системы национальных государств, а также стремится преодолеть табу на сам имперский дискурс (Мюнклер 2015).

Тем важнее для нас понять природу имперской власти и механизмы ее функционирования. С точки зрения российского исследователя С.И. Каспэ, империя – это «вариант организации отношений господства – подчинения, связанный с максимальной концентрацией властного потенциала в руках господствующего меньшинства» (Каспэ 2001: 9).

И хотя имперская форма государственности традиционно отождествляется с унитаризмом и унификацией, в определенных случаях для империи возможно использование элементов федерализма в ее государственно-территориальной структуре (Каспэ 2001: 53–54).

Славянские народы Австро-Венгерской империи, распавшейся в 1918 г. в результате глубокого кризиса, усугубленного Первой мировой войной, приобрели весьма неоднозначный и достаточно противоречивый опыт политического развития и государственного строительства (либо участия в проектах государственного строительства других этнонаций) (Шарый, Шимов 2010); драматическая судьба единой югославянской и чехословацкой государственности в XX в. может служить подтверждением данного тезиса. В этой связи сегодня ставится вопрос о том, могло ли гипотетическое сохранение Австро-Венгрии как единого, но глубоко реформированного (федерализированного) государства с полноценным политическим представительством славянских народов содействовать политической консолидации страны и защите славянских интересов последних с учетом политических вызовов первой половины XX ст.

Проблемы государственного устройства и национальной политики Австрийской империи получили достаточно полное отражение

у видных отечественных и зарубежных специалистов по истории монархии Габсбургов: Т.М. Исламова, В.И. Фрейдзона, И.В. Чуркиной, А. Тэйлора, этнологов Ю.В. Бромлея, М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана, а также в работах более молодого поколения исследователей, таких, как О. Яси, А.В. Шарий, Я.В. Шимов, С.А. Романенко и др., сделавших акцент на рассмотрении этнополитических проблем Австро-Венгрии в контексте анализа причин ее итогового распада. В этих исследованиях показано несовпадение устремлений властей империи и участников национальных движений, ставшее причиной ее демонтажа. Вместе с тем достижения названных исследователей в разработке заявленной темы не отменяют необходимости более детального изучения изменчивого соотношения позиций различных политических акторов империи и основных значимых факторов, от которых зависела возможность преобразования имперского устройства в направлении федерации. Теоретическая новизна подхода автора состоит в перспективном анализе внутренней динамики этнополитической системы, существовавшей в Австро-Венгрии с момента учреждения дуализма до ее распада в 1918 г., а практическая – в осмыслении трансформационного потенциала национальной политики и федералистской идеи в условиях империи. Использование автором вторичного анализа представляется в целом оправданным для работы политологического характера.

Современная этнополитология предлагает собственный инструментарий для подобного анализа. Американский политолог Д. Горовиц выделяет этнополитические системы централизованного и дисперсного типа (Horowitz 1991).

Централизованные этнические системы – системы, в которых доминирующие позиции принадлежат представителям одного численно преобладающего этноса, а другие этносы образуют его периферию. Дисперсные этнические системы – системы, в которых доминирующий этнос отсутствует, присутствуют несколько этносов с примерно одинаковым политическим и экономическим статусом.

Какая же ситуация имела место в Австрии? Из 51 млн жителей империи в 1910 г. немногим менее половины 23,5 млн составляли славянские подданные (чехи, словаки, поляки и др.), более 12 млн – австрийские немцы, 10 млн – венгры, 3 млн – румыны (Taylor 2013: 286).

Таким образом, мы можем заключить, что в Австро-Венгрии существовал некоторый промежуточный вариант этнополитической системы, в рамках которой доминировавшее центральное «ядро» (не большинство), рассматривавшее себя символическим создателем государства, противостояло совокупности периферийных этнических групп.

Равновесие в подобном многонациональном государстве могло быть обеспечено только за счет гибкой и взвешенной национальной политики, поддерживающей сбалансированную иерархию народов за счет уступок, компромиссов, а также использования принципа «разделяй и властвуй». Выстроить устойчивую иерархию этносов в подобной системе достаточно сложно, однако обойтись без «ядра» в лице государство- и культурообразующего этноса (в лице австрийских немцев) оно не могло.

Из-за сложности и неизбежной инерционности подобной системы возможности для глубоких реформ могли возникнуть лишь в ситуации глубоких кризисов и потрясений, когда династия и имперская элита не могли больше править в соответствии с принятыми образцами. Впервые действительно глубокое реформирование национально-государственного устройства империи могло быть осуществлено после 1848 г., в ситуации «весны народов» и паралича имперской власти после отставки Меттерниха и отречения императора Австрии Фердинанда I в декабре 1848 г. в пользу его племянника Франца Иосифа. В ситуации глубокого кризиса умеренные славянские лидеры (Ф. Палацкий, К. Зап и др.) на знаменитом Славянском конгрессе в Праге поддержали сохранение единства Австрии при условии ее федерализации с учетом интересов славянских народов. И если в 1848 г. большую роль в сохранении империи сыграла поддержка славян, то после 1866 г. Вена прибегла к поддержке Венгрии. Однако в обоих случаях к федеративным реформам это не привело, и основная политическая уступка была сделана в 1867 г. венграм за счет словаков, сербов и – в меньшей степени – хорватов.

Таким образом, очевидными являлись изначальная гетерогенность и неравновесность австрийской этнополитической системы, затруднявшие реформы государственно-территориального устройства страны. Используя факторный анализ (Ким, Мьюллер, Клекка 1989) и реконструируя логику основных политических акторов, мы попробуем выяснить, почему реформирование государственного устройства Австрии (позже Австро-Венгрии) так и не состоялось. К числу этих факторов, препятствовавших глубокому реформированию ее государственного устройства, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1) **Лоскутный характер империи и ее «чересполосность»**, затруднявшие рациональное и последовательное реформирование ее государственно-территориального устройства в связи с невозможностью выделить «чистые» в этническом отношении компактные территориальные единицы, границы которых не оспаривались бы представителями ее соседних народов, как, например проект «Ве-

ликой Венгрии» в пределах короны Святого Штефана, неизбежно приходивший в столкновение с великорумынским, чехословацким и югославянским проектами;

2) **Трудность совмещения монархически-имперского принципа** (предполагавшего монистическую структуру власти, пусть и с делегированием части этой власти некоторым институтам) **с последовательным федерализмом, опиравшемся на принципы естественного права** (Elazar 1987: 38);

3) **Нежелание имперских властей трансформировать систему этносословий (приписывавшую основным этносам определенный социальный статус),** существовавшую в империи (условно – немцы-военные и гражданские чиновники, венгры – землевладельцы – дворяне, также призывавшиеся на военную и гражданскую службу, русины – крестьяне и др.);

4) **Ограниченная политическая субъектность многих территориальных субъектов империи – потенциальных участников процесса федерализации**, связанная со слабостью органов представительства и формальным отсутствием политической элиты (аристократии, интеллигенции, бюрократии) у народов этих территорий. По этой причине, например, не могли реализовать свое политическое самоопределение не имевшие собственного властно-управленческого класса и интеллигенции русины Галиции и Закарпатья (несмотря на дарованную короной в 1907 г. автономию). Столь же затруднительным было территориальное самоопределение также получившей в 1907 г. автономию Буковины, где, несмотря на ее многонациональность (население края в начале века было таким: около 40 % – русины, 35 % – молдаване, 13 % – евреи, 8 % – немцы, 4 % – поляки), политически доминировали румынские бояре (Дьяченко 2013);

5) **Опасения немецкой имперской бюрократии в отношении пангерманского («великогерманского») национального движения,** представлявшего на момент «Весны народов» различные фракции («правый» и «левый» центр, собственно «левые» и др.), заявившего о себе в период революции 1848 г. и стремившегося к конституционным реформам и к единству с другими немецкими государствами в рамках «большой Германии» (при одновременном безразличии к проблемам политического развития собственно Австрии) (Wandruszka 1980: 110–112);

6) **Традиционный консерватизм австрийской имперской бюрократии,** предпочитавшей диалог с консервативно настроенными элитами негерманских народов империи диалогу с новыми национальными движениями славянских народов и отрицавшей глубокие трансформации государственного устройства (говоря словами выдающегося

австрийского писателя Ф. Грильпарцера, «политика наполовину осуществленных дел, наполовину пройденных путей»);

7) **Неготовность имперской власти к диалогу со славянскими национал-демократами**, которые считались потенциальными революционерами и подозревались в нелояльности к империи (что во многих случаях соответствовало истине – так, например, достаточно вспомнить участие некоторых радикально настроенных участников Славянского съезда 1848 г. в Праге – тех же К. Либельта и Л. Штура – в революционных уличных боях в этом городе);

8) **Венгерский фактор** – опасение венгерского влияния и неизбежные уступки венской бюрократии венгерским элитам после 1866 г., когда ослабленная империя нуждалась во влиятельном и политически консолидированном внутреннем союзнике, каким и стали перешедшие на более умеренные позиции лидеры Венгерской революции 1848–1849 гг., стремившиеся максимально возможно закрепить политические достижения революционного периода путем переговоров с представителями династии и имперской бюрократии (Király 1975). Таким образом, после перехода к дуалистической монархии и предоставления особых привилегий Венгрии дальнейшие преобразования государственного устройства считались нежелательными;

9) **Колебания правящей династии в ситуации после революции 1848 г. между «замораживанием страны» и осторожной либерализацией.** Так, 20 октября 1860 г. после определенного «успокоения» в результате «революционных потрясений» был издан т. н. Октябрьский диплом – новая Конституция империи, восстановившая автономию регионов и расширившая права региональных ландтагов, прежде всего Венгерского государственного собрания; венгерский язык был объявлен официальным на территории Венгрии. Однако ожидавшегося «успокоения» в Венгрии в итоге не произошло, и продолжались требования восстановить в полноте венгерскую Конституцию 1849 г. («петиция Деака»). В результате 26 февраля 1861 г. был опубликован «Февральский патент», изменявший октябрьскую Конституцию в духе централизации. Реформы были заморожены.

В свою очередь, осуществленный автором факторный анализ позволяет утверждать, что в ситуации, сложившейся после 1848 г. (и особенно после 1867 г.), основные политические силы не были заинтересованы в трансформации исторической Австрии (Австро-Венгрии) в полноценную федерацию германцев, славян, венгров и других народов. Позиции внутренних политических игроков по «национальному вопросу» и проблемам реформирования государственно-территориального устройства империи были следующими:

1. Император Франц Иосиф («последний политик старой школы», по его собственному определению) стремился сохранить личную власть и империю как наднациональную конструкцию, балансируя между различными этническими группами; при этом в сторонниках национально-территориальной федерации он, очевидно, был не заинтересован, поскольку не желал зависеть ни от одной этнической общности, стремясь прежде всего укрепить личную власть (Яси 2011). С помощью уступок венграм монарх рассчитывал избежать уступок другим народам империи, что явно не располагало к преобразованиям федеративного толка.

Помимо этого, необходимо помнить, что после 1866 г. (когда Австрия вышла из войны с Пруссией проигравшей и в роли младшего партнера последней, превратившись из «проекта Меттерниха» в «проект Бисмарка») усилилась зависимость Габсбургской династии от Пруссии и созданной ей Германской империи, которая использовала Венгрию как союзника с целью влияния на Австрию; в итоге Австрия, по справедливому замечанию, превратилась из «европейской потребности» в «германскую».

2. Имперская «наднациональная» бюрократия (т. н. имперские космополиты) – консерваторы и противники государственного переустройства на базе национального принципа, который увязывался ими с «революционным духом».

Следует помнить, что после 1866 г. Австрия из барьера распространению «пангерманского» влияния на западных славян превратилась в барьер панславистским устремлениям России (на которую переориентировались многие деятели чешского и других славянских национальных движений империи, включая Ф. Палацкого, отошедшего от прежних австрославистских убеждений и принявшего участие в Славянском конгрессе 1867 г. в Москве). В итоге имперские бюрократы, боясь любой дестабилизации, были готовы на уступки только консервативно настроенным и лояльным Вене и Габсбургам этническим группам. Однако и представители вполне умеренных и лояльных национальных движений постепенно приходили к выдвижению собственно политических требований.

3. Германские национал-либералы (как проправительственные, так и оппозиционные) – сторонники Великой («Большой») Германии, считавшие, начиная с 1848 г., своим основным политическим союзником именно Венгрию (идея Франкфуртской ассамблеи 1848 г.), что и отталкивало от них славян. Они не принимали миссию империи по созданию «гармоничного сообщества народов», настаивая на реализации миссии немцев как «юного народа» («немецкой образованной республики» (Hein 2016: 14–15), призванного внести свой

вклад в мировую политику и культуру. Последние достаточно легко пережили упразднение империи в 1918 г., связывая свои надежды не столько с Австрийской республикой, сколько с восстановлением германского единства.

4. Сами венгры (сторонники «Великой Венгрии» в пределах короны Святого Штефана) – сторонники административного подчинения славян империи и ассимиляции последних в пределах «Великой Венгрии» (с отказом славянам в способности «управлять собой»), как очевидно, против трансформации дуалистической монархии в тройственную.

В 1866 г. венгры пошли на переговоры и сближение с императором, отказавшись от радикальных позиций, но стремясь максимально сохранить в рамках нового статуса свои прежние политические завоевания. Главными партнерами Вены стали лидер венгерского национального движения Ференц Деак и его соратник Дьюла Андраши. В сложившейся тогда ситуации выступления славян и румын за свои политические процессы беспокоили не только Габсбургов, но и венгерскую элиту, опасавшуюся потерять свое значение и власть. Этот фактор сблизил ее с австрийской элитой, что ускорило поиск компромисса (ведший переговоры от имени Будапешта граф Д. Андраши в итоге отказался от поста премьера Венгрии ради поста главы имперского МИДа). В 1867 г. искомый компромисс был найден: Австрийская империя превратилась в дуалистическую конституционную Австро-Венгерскую монархию. И именно венгры нашли тогда новую миссию империи в сохранении для будущего «Великой Венгрии».

При этом венгерские джентри, счастливо избежавшие навязывания им с общеимперского уровня нежелательных для них либеральных реформ, были последовательными сторонниками мадьяризации. Вчерашний сподвижник Лайоша Кошута граф Дьюла Андраши хотел Австрии централизованной, либеральной и германской и Венгрии, соответственно, централизованной, либеральной и венгерской. Немцев и венгров он рассматривал как два государственных народа. Внутренняя политика обретшей новый статус Венгрии в национальном вопросе неизменно следовало этим принципам.

В 1868 г. венгры предложили меньшинствам Венгрии (словакам, сербам, румынам) «Акт о национальностях», обеспечивавший им права меньшинств (языковые и на самоуправление), но отказались от этих гарантий после 1874 г., когда венгерский язык стал единственным официальным в системах образования и государственного управления. Хорваты (в лице магнатов) получили восстановление некоторых традиционных прав, участие в областных собраниях Венг-

рии с преимущественно апелляционными правами и квотированное представительство в органах власти Венгрии и империи.

5. Представители консервативной аристократии славянских народов (например, польское дворянство), думающие о своих привилегиях и враждебные любым национально-демократическим и национально-федеративным устремлениям.

6. Лидеры национально-демократических движений славянских народов, выступавшие за федерализацию в интересах славян, но чуждые имперской политической структуре и не имевшие массовой социальной поддержки в среде представляемых ими народов.

Основную роль в борьбе за федеративную реформу государственно-территориального устройства империи играло чешское национальное движение. Первый и наиболее последовательный проект подобной реформы опубликовал на рубеже XIX–XX вв. упомянутый нами Ф. Палацкий. Согласно его обнародованному плану, преобразованная Габсбургская монархия должна была представлять собой союзное государство, «одновременно немецкое и славянское, венгерское и румынское, но прежде всего – союз свободных и полностью равноправных народов». Последнее предполагало отмену существовавшего деления империи на Цислейтанию и Трансслейтанию с последующим разделом на относительно гомогенные в этническом отношении в статусе автономии, в число которых должны были войти:

1) немецкая Австрия (немецкие земли Внутренней Австрии, населенные немцами земли на венгерской границы, немецкие области Юго-Западной Богемии и Южной Моравии);

2) немецкая Богемия (северо-западная часть Богемии вместе с областью Траутенау);

3) немецкая Моравия (Силезия) (немецкая Силезия вместе с немецкими областями Моравии и Богемии, без чешских анклавов);

4) Богемия (включая чешские области Богемии, Моравии и Силезии);

5) Западная Галиция (населенные поляками области);

6) Восточная Галиция (русинская часть этой земли вместе с русинскими комитатами Венгрии и русинской частью Буковины);

7) Семиградье (вместе с населенными румынами областями Венгрии и Буковины);

8) Хорватия (включая Далмацию, хорватскую Истрию и остров Мур в районе г. Грац);

9) Краина (включая все словенские поселения);

10) Словакия;

11) Воеводина (населенная сербами область Южной Венгрии);

12) Венгрия (населенные мадьярами области);

13) Зеклер (мадьярская часть Семиградья);
14) Тренто;
15) Триест.

По мнению Палацкого, все эти «этногеографические единицы были бы гомогенны как немногие государства в Европе». Помимо автономизации, Палацкий полагал, что в Австрии следует «создать и обеспечить для всех живущих в империи наций все необходимые условия для их полноценного политико-национального и экономического развития… Мы все должны в действительности чувствовать себя в составе Австрийской державы лучше, чем в каком-либо другом государстве» (Lehmann 1973: 86, 94).

При этом способность данных областей к консолидации, их бесконфликтные отношения с соседними этническими территориями оставались спорными. Разочарованный неприятием собственного проекта властями империи, ранее убежденный приверженец австрославизма, Франтишек Палацкий переориентировался на Россию, попутно заявив, что «чешский народ существовал и до Австрии и будет существовать после нее».

В последующем наиболее активны в вопросах преобразования империи были лидеры чешского движения, представлявшие Национальную партию (т. н. старочехи), возвращенные властями в политику после 1868 г. с целью создания противовеса заметно усилившимся венграм. В своем базовом проекте («Фундаментальные статьи») они выдвинули план восстановления «Великой Богемии» (в качестве «ядра» земель короны Святого Вацлава), а также хотели распространить власть Праги на Силезию и Моравию. Чешские лидеры не ограничивались идеей тройственной монархии, но предлагали федеративное преобразование империи, в т. ч. с превращением рейхсрата в полноценный Конгресс делегатов от провинций.

В то же время претензии чешских лидеров на «историческую Богемию» были симулякром, и они не имели массовой базы даже среди чехов (чешские дворяне не желали преобразования Богемии, а крестьяне были консервативны и в массе своей лояльны правившей монархии). Помимо этого, против «Великой Богемии» категорически выступали представители Венгрии (из-за проблем с собственными меньшинствами), а также польские аристократы Галиции, получившие от империи автономию и не желавшие политической эмансипации проживавших там русинов. Для имперских чиновников и знати Богемия была неотъемлемой частью «Священной Римской империи германской нации». Против равноправия чехов в Богемии были настроены и германские либералы.

В итоге после отказа чехов от автономии в рамках «Малой Боге-

мии» (части этой исторической провинции, компактно населенной чехами) Франц Иосиф принял аргументы Д. Андраши и свернул торг с лидером старочехов Франтишеком Ригером и его сторонниками (речь о коронации императора богемской короной больше не шла).

10 октября 1871 г. ландтаг Королевства Богемия принял резолюцию, требовавшую предоставления Чехии равного с Венгрией и Австрией статуса в структуре империи. Но попытки урегулировать таким способом чешский вопрос, предоставив чешским землям статус автономии, были блокированы вследствие непримиримой позиции австрийских немцев, считавших Богемию интегральной частью Священной Римской империи германской нации, правопреемницей которой считалась Австрийская империя Габсбургов.

Далее борьба была уже за ограниченную автономию и ограниченные права. В 1880 г. правительство Цислейтании во главе с Эдуардом Тааффе приняло постановление, обязывавшее администрацию и суды в рамках Богемии вести дела на языке лица, чье дело разбиралось. В 1882 г. чешские активисты добились разделения по языковому признаку Пражского университета, создав весьма значимый прецедент. При этом подписание чешско-немецкого соглашения 1890 г. между старочехами и немецкими организациями и распространение избирательного права привели к потере первыми массовой поддержки чешских избирателей. Симпатии сместились в пользу младочехов из Национальной партии свободомыслящих Карла Крамаржа, которые перешли на более радикальные позиции, включая требования о проведении политики равенства в отношении народов Австро-Венгрии и введения всеобщего избирательного права, а также заключения союза Австро-Венгрии и России.

7. Консервативно настроенное славянское население империи (в основном представители крестьянства – праобраз будущих «крестьянских наций») было в основной своей массе лояльно императору и монархии, не поддерживало в своей массе федералистские устремления лидеров номинально «своих» национальных движений. Ситуацию могли исправить появление в городах массовой печати и распространение образования на селе. Однако для этого требовалось время, а на рубеже XIX–XX вв. единственным политическим медиатором у крестьянских «протонаций» выступали священники – католические либо униатские.

8. Национальная городская буржуазия и интеллигенция славянских народов, которые оказались политически слабы и слишком малочисленны (за исключением активно формировавшегося чешского «городского класса» в Богемии). Островки национальной городской культуры славянских народов, постепенно освобождавшиеся от влия-

ния германизации, были не в состоянии консолидировать вокруг себя свои «титульные нации», обеспечив их политическую субъектность в борьбе за автономный либо федеративный статус собственных земель в составе империи.

9. Австрийские марксисты и социал-демократы, объединившись в 1889 г. усилиями Виктора Адлера в единую партию, оставались верны универсалистской империи и династии. Следуя этой линии, они последовательно выступали за ответственное правительство вместе с германскими либералами. При этом австромарксисты традиционно рассматривали славянские национальности как «реакционные». Русины Галичины виделись им консервативным противовесом «революционной Польше». Социал-демократы Австрии принципиально разделяли оценку Ф. Энгельса о том, что чешские и хорватские движения 1848 г. имели династический и феодальный характер, а также мнение классика марксизма о том, что славяне империи «имеют недостаточно условий для политического существования» и должны быть поглощены «революционной германской демократией» (Энгельс 1995–1974: 181–182). Следуя этой логике, они принимали любое «русское вмешательство» в дела славян Центральной и Восточной Европы как безусловно «реакционное влияние».

Поэтому не случайно, что австромарксисты в конечном итоге не приняли идею федерализации империи на основе этнического фактора, продвигая вместо этого идею «внетерриториальной автономии», основанную на понимании нации как «сообщества одинаково мыслящих людей» («культурная общность группы современных людей, не связанных с землей») (Kulturgemeinschaft) (Бауэр 2002: 59). О. Бауэр изложил свои идеи в книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (Bauer 1908), а К. Реннер (Шпрингер) написал свою знаменитую программную работу «Национальная проблема» (Шпрингер 1902).

Иные этнополитические приоритеты австромарксистов также были весьма характерными. Помимо этого, К. Реннер приветствовал борьбу с Венгрией, задавая риторический вопрос: «Когда император сядет на лошадь?».

В свою очередь более радикально настроенный О. Бауэр требовал от династии реализации революционной программы, настаивал на подчинении Венгрии общеимперским законам, включая распространение на нее всеобщего избирательного права и права на учреждение свободных профсоюзов. Однако Францу Иосифу, к которому они обращались, эти идеи были чужды.

В конструировании нации по персональному признаку и в предоставлении ей, а не территории, публично-правового статуса

О. Бауэр и Р. Шпрингер усматривали оптимальный способ разрешения национальных противоречий и, прежде всего, обеспечения прав национальных меньшинств в структуре Австрии как «государстве национальностей» (Nationalitaetenstaat).

Подобный подход позволял не затрагивать непрочное устройство «лоскутной империи», но, очевидно, не удовлетворял запросы ее национальных движений.

Отдельного анализа заслуживает влияние внешних акторов, прежде всего Пруссии (впоследствии – Германской империи) Отто фон Бисмарка, проводившего политику исключения Австрии из общегерманских дел и блокирования «великогерманского» проекта объединения в пользу «малогерманского» проекта во главе с Пруссией (Eyck 1964: 107–109; Darmstaedter 2008: 289). Бисмарк последовательно выступал за союз с приобретшей в рамках «дуалистической монархии» особый статус Венгрией, сохранение в неизменном виде самой Австрии (без усиления в ней «славянского элемента»), а также против усиления влияния России на славянскую Восточную Европу. Немцы поняли, что именно Австрия в ее изначальном виде обеспечивает германскую культурную и политическую гегемонию в Центральной и Восточной Европе. Данная идея впоследствии получила свое развитие в форме концепции «Срединной Европы» Ф. Науманна (1915), рассматривавшей союз Германии и Австро-Венгрии в качестве ключевой предпосылки доминирования двух немецких государств над Центральной и Восточной Европой, объединенной для этого в экономический союз (Naumann 1915).

В ситуации, сложившейся после 1866 г., Бисмарк не желал возрождения прежней сильной Австрии, но одновременно не хотел утраты ею германского характера и превращения в союзника Франции или России. Идеальным вариантом для нее стало сохранение Вены в качестве управляемого «младшего партнера» (Hobsbaum 1987: 312).

В конечном итоге Бисмарк и Франц Иосиф, при всем расхождении их взглядов по более частным вопросам, не желали ни «Великой Германии», ни российской экспансии в «славянскую часть» Европы. И без помощи Берлина имперские власти Австрии не могли балансировать между своими ключевыми народами. «Германо-славянская федерация» была совершенно чужда и Бисмарку, и Францу Иосифу.

Многое зависело от позиции Российской империи – консервативной и противостоявшей панславизму на практике, но декларативно и конъюнктурно панславистской. В период Крымской войны 1853–1854 гг. Австрия отказала ей в благожелательном нейтралитете,

согласившись на него на время войны 1877–1878 гг., связанной с освобождением славянских народов от власти Османской империи. Однако, отказавшись от активной игры в Центральной и Восточной Европе, Россия разочаровала многих славянских лидеров, связывавших с ней не только реформирование Австрии, но и возможность своего последующего национального самоопределения. Наконец, свой вклад внесла в сохранение статус-кво Англия, нуждавшаяся в Австро-Венгрии как, в устойчивой имперской конструкции для сдерживания России.

В конечном итоге, политический «пазл» в пользу федерализации Австрии с учетом интересов славян не выстраивался. Дунайская монархия, не обретя должной политической поддержки со стороны имперских славян, потеряла ее в лице венгров и австрийских немцев, оказавшись в политическом вакууме, который неизбежно означал и конец империи.

Имея огромный потенциал в качестве модели сообщества народов, примиряющего и соединяющего германский и славянский миры, Австрия сохранила неизменной политическую структуру, которая в результате подъема национальных движений неизбежно вела ее к распаду. Такова была логика общеевропейского процесса, ведшая к Первой мировой войне.

Возможно, большая гибкость в «славянском вопросе» могла бы позволить Австро-Венгрии сохраниться в видоизмененном виде. Однако использованный нами факторный и акторный анализы позволяют заключить, что шанс на федеративное преобразование империи с обретением ею новой устойчивости был сугубо теоретическим. Федерализм (если попытаться развить мысль Э. Хобсбаума) не стал «золотой серединой» между крайностями социальной революции и национализма (Hobsbaum 1996: 153). Обеспечить сохранение империи на основе наднационального принципа, очевидно, не удавалось, межэтнический баланс не был достигнут, и различные (нередко противоположные по своему характеру) национальные устремления не могли быть реализованы в рамках имперского политического пространства. В результате распад древней монархии на конгломерат национальных государств со временем стал практически неизбежным (Ефремов 2011).

События 28 июня 1914 г. окончательно перечеркнули любые надежды на мирное реформирование Австро-Венгрии: с убийством эрцгерцога Франца Фердинанда и началом Первой мировой войны политика Габсбургов по отношению к национальным движениям резко ужесточилась, вызвав ответный всплеск центробежных устремлений.

В 1916 г. умер император Франц Иосиф – главный символ единства

Габсбургской монархии. Его внучатый племянник, короновавшийся как Карл I, пытался сохранить страну путем уступок национальным движениям. В октябре 1918 г. Карл I издал манифест «К моим верным австрийским народам», которым пообещал автономию национальным меньшинствам и федерализацию страны в будущем. Но было слишком поздно: прежде лояльные народы уже ничего не хотели слышать о новом статусе в составе распадавшейся на глазах и терявшей привлекательность Австро-Венгрии, стремясь к независимости; формировавшиеся по предложению императора комитаты (собрания) в национальных областях говорили не о федерализации, а о самоопределении. Всего через день после опубликования императорского манифеста чешские депутаты рейхсрата объявили о своем стремлении к государственной самостоятельности, а вскоре венгерский парламент провозгласил расторжение личной унии и низложение Карла I. Месяц спустя император сложил полномочия в Австрии, что означало конец единого имперского государства.

В то же время в случае реализации более разумной и взвешенной политической стратегии у Австрийской империи все же был шанс сохраниться в качестве влиятельного современного государства. Ответственность за этот упущенный шанс традиционно возлагается на Габсбургов с их догматически-консервативной и при этом крайне непоследовательной политикой.

О нереализованных возможностях Австрии в деле национально-государственного строительства позже не раз сожалели многие славянские интеллектуалы – от Ч. Милоша до В. Гавела и И. Сабо, памятуя о драме «потери отечеств» в результате катаклизмов XX в. (Кундера 2001). Признающая этнокультурное разнообразие австрийская имперская традиция в отсутствие самой империи – противовес узкому этническому национализму, который сегодня набирает силу во многих странах Центральной и Восточной Европы. Но противовес этот скорее идеологический и культурный, не связанный с конкретным политическим проектом федералистского толка. Пример Австрии показал, что федерализм как форма государственного устройства в течение XIX–XX вв. не проявил себя в качестве политической формы, способной эффективно решить национальный вопрос в ситуации трансформирующегося имперского устройства и не смог полноценно содействовать реализации интересов славянских народов, о чем, в частности, свидетельствует драматическая судьба как бывшей имперской Австрии, так и двух многонациональных славянских федераций, являвшихся наследницами империи.

ЛИТЕРАТУРА

Бауэр 2002 – *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 52–120.

Гатагова 1996 – *Гатагова Л.С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 332–353.

Дьяченко 2013 – *Дьяченко В.* Украина «доброго цісаря». Как жили западноукраинские земли под властью императора Франца Иосифа. URL: http://yagazeta.com/nepoznannoe/ tajny/kak_zhili_zapadnoukrainskie_zemli_pod_vlastyu_imperatora_franca-iosifa.html (дата обращения: 18.11.2018).

Ефремов 2011 – *Ефремов А.* Уроки погибшей империи // Вопросы национализма. 2011. № 8. С. 233–237.

Ким, Мьюллер, Клекка 1989 – *Ким Дж., Мьюллер Ч.У., Клекка У.Р.* Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М., 1989. 215 с.

Каспэ 2001 – *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. 256 с.

Кундера 2001 – *Кундера М.* Семьдесят три слова // Урал. 2001. № 5. С. 161–177.

Мюнклер 2015 – *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. 400 с.

Шарый, Шимов 2010 – *Шарый А., Шимов Я.* Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2010. 478 с.

Шпрингер 1902 – *Шпрингер Р.* Национальная проблема. М., 1902. 328 с.

Энгельс 1955–1974 – *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 39 т. М.: Изд-во полит. лит., 1955–1974. Т. VI. С. 181–182, 550–569.

Яси 2011 – *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011. 608 с.

Bauer 1908 – *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1908. 600 s.

Boas 1960 – *Boas G.* La tradition // Diogene. 1960. № 31. P. 76.

Darmstaedter 2008 – *Darmstaedter F.* Bismarck and the Creation of the Second Reich. New Jersey, 2008. 426 p.

Elazar 1987 – *Elazar D.* Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987. 335 p.

Eyck 1964 – *Eyck E.* Bismarck and the German Empire. New York City, 1964. 332 p.

Hein 2016 – *Hein D.* Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. München, 2016. 128 c.

Hobsbaum 1987 – *Hobsbaum E.* The Age of Empire: 1875–1914. London, 1987. 448 p.

Hobsbaum 1996 – *Hobsbaum E.* Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. München, 1996. 256 s.

Horowitz 1991 – *Horowitz D.L.* A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Oakland, 1991. 304 p.

Király 1975 – *Király B. K.* Ferenc Deák. Twayne's world leaders series. Boston, 1975. 243 p.

Lehmann 1973 – *Lehmann H.* (Hrsg.). Das Nationalitaetenproblem in Oesterreich. 1848–1918. Goettingen, 1973. 126 s.

Naumann 1915 – *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915. 299 s.

Taylor 2013 – *Taylor A.J.P.* The Habsburg Monarchy, 1809–1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. Oxford, 2013 (reprinted). 304 p.

Wandruszka 1980 – *Wandruszka A.* Großdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 // Robert Kann; Friedrich Prinz (Hrsg.): Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Wien, 1980. S. 110–142.

REFERENCES

Bauer, O. (2002) Natsional'nyy vopros i sotsial-demokratiya [Marxism and the national question]. In: Anderson, B., Bauer, O., Hroch, M., Habermas, J. et al. *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation]. Translated from English and German. Moscow: Praksis. pp. 52–120.

Gatagova, L.S. (1996) Imperiya: identifikatsiya problemy [Empire: Identification of the problem]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let* [Historical Research in Russia. Recent Trends]. Moscow: AIRO-XX. pp. 332–353.

Dyachenko, V. (n.d.) *Ukraina "dobrogo tsísarya". Kak zhili zapadnoukrainskie zemli pod vlast'yu imperatora Frantsa Iosifa…* [Ukraine of "good Caesar". How Western lands lived under the rule of Emperor Franz Josef]. [Online] Available from: http://yagazeta.com/nepoznannoe/ tajny/kak_zhili_zapadnoukrainskie_zemli_pod_vlastyu_imperatora_franca-iosifa.html (Accessed: 18th November 2018).

Efremov, A. (2011) Uroki pogibshey imperii [Lessons of the lost Empire]. *Voprosy natsionalizma*. 8. pp. 233–237.

Kim, D., Müller, Ch.U. & Klekka, U.R. (1989) *Faktornyy, diskriminantnyy i klasternyy analiz* [Factorial, discriminant and cluster analysis]. Translated from English by A. Khotinsky, S. Korolev. Moscow: Finansy i statistika.

Kaspe, S.I. (2001) *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika* [Empire and Modernisation: General model and Russian Specificity]. Moscow: ROSSPEN.

Kundera, M. (2001) Sem'desyat tri slova [Seventy-three words]. *Ural*. 5. pp. 161–177.

Muenkler, G. (2015) *Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SSHA* [Empires. The logic of domination over the World: from the Ancient World to the United States]. Translated from German by L.V. Lannik. Moscow: Kuchkovo Pole.

Sharyy, A. & Shimov, Ya. (2010) *Korni i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii: sud'ba imperii* [Roots and crown. Essays on Austria-Hungary: the fate of the Empire]. M., 2010. 478 c.

Springer, R. (1902) *Natsional'naya problema* [National Problem]. Moscow: M. Braginskiy, A. Brumberg.

Engels, F. (1955–1974) Bor'ba v Vengrii [Fighting in Hungary]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sobranie sochineniy: v 39 vols* [Collected Works in 39 vols]. Vol. 6. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. pp. 181–182, 550–569.

Jászi, O. (2011) *Raspad Gabsburgskoy monarkhii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy]. Translated by English by O.A. Yakimenko, A. Ayrapetov. Moscow: Tri kvadrata.

Bauer, O. (1908) *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie* [National Question and Social Democracy]. Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand.

Boas, G. (1960) La tradition [Tradition]. *Diogene*. 31. p. 76.

Darmstaedter, F. (2008) *Bismarck and the Creation of the Second Reich*. New Jersey: Transaction Publishers.

Elazar, D. (1987) *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.

Eyck, E. (1964) *Bismarck and the German Empire*. New York City: W. W. Norton & Company.

Hein, D. (2016) *Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert* [German History in the 19th century]. Munich: C.H.Beck.

Hobsbawm, E. (1987) *The Age of Empire: 1875–1914*. London: Weidenfeld a. Nicolson.

Hobsbawm, E. (1996) *Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780* [Nations and Nationalism: Myth and Reality since 1780]. Munich: Campus Verlag.

Horowitz, D.L. (1991) *A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society*. Berkeley: University of California Press.

Király, B.K. (1975) *Ferenc Deák*. Boston: Twayne Publishers.

Lehmann, H. (eds) (1973) *Das Nationalitaetenproblem in Oesterreich. 1848–1918* [The national problem in Austria. 1848–1918]. Goettingen: Vandenhoeck + Ruprecht Gm.

Naumann, F. (1915) *Mitteleuropa* [Central Europe]. Berlin: [s.n.].

Taylor, A.J.P. (2013) *The Habsburg Monarchy, 1809–1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. Oxford: [s.n.].

Wandruszka, A. (1980) Großdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 [Greater German and small German ideology 1840–1871]. In: Kann, R. & Prinz, F. (eds) *Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch* [Germany and Austria. A Bilateral History Book]. Vienna: Jugend u. Volk. pp. 110–142.

Сергей Владимирович Бирюков – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (КНР).

Sergey V. Biryukov – Centre for Russian Studies, East China Normal University (China).

E-mail: birs.07@mail.ru